

Неизвестная война: Если бы у нас тактика была, как у немцев, то мы бы за два года закончили эту войну...

Интервью с ветераном войны Н.А.Чистяковым.

А.Д. - Как Вы встретили 22 июня 1941 года?

- Перед этим я учился в техникуме, в г. Иваново, но я его не закончил. Ушел со второго курса. Ушел только потому, что не на что было учиться. Материально очень плохо было в семье. Вынужден был уйти. В селе, где родился, была ткацкая артель. Вот там я устроился заведующим складом. Сколько получал, не помню. Но мало. Это было перед войной. 40-41 годы. Нам была выделена делянка в лесу. В этой делянке работали. Деревня через речку, недалеко, километра 2 или 3. Был обед, часов 12-13. Солнце, на улице тепло. Переходим в деревню. Встречаются мужики, девушки. - Вы знаете, что война началась? Началась война! Видимо, связные из военкомата приехали. Ведь радио не было, а военкомат от нас был в 18-ти километрах.. Мне еще не было 18 лет. Отца сразу забирают. Я остался самым старшим в семье, 6 человек после меня и мать. 8 марта 1942 года у меня умирает мать, я в это время в училище учился. Отца отзывают. Он был под Нижним Новгородом в это время. У него 6 человек детей маленьких. Меня этот гад, командир батальона в училище, даже не отпустил на похороны. Хотя я телеграмму получил, что мать умерла. Отца тоже не было на похоронах. Хоронили родственники. Я этому капитану говорю: "Мать даже некому похоронить." - "А что вы один что ли такой? Сколько погибает семей сейчас на западе." - Ни черта, гад, не отпустил, если бы это было на фронте, я бы в него пулю засадил, сволочь такая! Такие, как он, держались за тыл руками и ногами. У меня эта капитанская рожа до сего времени перед глазами стоит, сволочь такая! Ну что бы меня на трое суток всего-навсего отпустить? Рядом совершенно, 430 километров до дома!

А.Д. - Когда Вас призвали в армию?

- До того, как меня призвали, все допризывники с лета 1941-го были мобилизованы на трудовой фронт. Мы копали на левом берегу Волги противотанковые рвы. И лес рубили на правом берегу. Потом этот лес переправляли на левый берег и делали эскарпы противотанковые, блиндажи. Я там работал месяца 4. Оттуда меня вызвали в военкомат. Сразу начался массовый призыв. Брали тогда до 50-летнего возраста. А потом началась сразу похоронки ...

Мне только 19 лет исполнилось. Я родился в 23-м году, а в 42-м году 2 февраля меня призвали в армию. И сразу был направлен в Московское пулеметно-минометное военное училище. Но в связи с тем, что немцы ещё были недалеко от Москвы, наше училище было передислоцировано временно в Казань. То есть я приехал в Казань, когда меня призвали. Там мы побыли где-то полтора-два месяца. Где-то в марте или даже в апреле, когда немцев от Москвы подальше оттеснили, нас перевели в Хлебниково, где должно было быть военное училище. Наше училище занимало два корпуса. Корпус минометчиков был ближе к станции, а корпус пулеметчиков располагался прямо у канала им. Москвы. Вот я помню, нас привезли. Казарма для нас минометчиков - окна, стены, двери и больше ничего нет. Мы с канала вытаскивали сплав, бревна; таскали их на пилораму, там распиливали и оборудовали себе нары и помещение, где мы должны были учиться. Работы много было. Кормили в училище плохо: утром - баланда из гороха, в обед - гороховый суп и ложка гороха на второе. Ужин - опять горох. Я дошел до того, что одни кости и кожа. Помню день выпуска, было 5 часов вечера. И вот эти деятели-хозяйственники хотели нас обойти, не дать нам на ужин ничего. Мы все как один поднялись к начальнику училища. Пока не дадите сухой паек, никуда не поедет. Выдали. И накормили и сухой паек выдали. А выпуск был человек 300. Будь здоров, сколько бы они сэкономили на нас! Одели нас в училище примитивно, телогрейки, штаны, даже рукавиц не было. А в марте 42-го еще холодно было. Занятия были примерно по 14 часов. Практически весь день. Минометчиков 6 месяцев учили, ускоренными темпами. По-моему, в октябре нас выпустили.

А.Д. - Чему учили?

- Минометчики изучали 50-миллиметровый ротный миномет. Были ещё, конечно, и батальонные 82-миллиметровые, но я учился на ротном миномете. В ноябре закончил лейтенантом. И сразу на фронт. Я приехал на фронт в 26-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. И был сразу назначен в 77-й Гвардейский стрелковый полк, минометчиком в одном из подразделений. Началась моя служба с этого полка, собственно и закончилась в этом полку. За 2 года на фронте я был 4 раза ранен, но после ранений я всегда попадал в эту дивизию, в этот полк. Я старался, конечно, после ранений оказаться в своем полку.

Правда, в один из моментов после 2-го ранения, меня направили в другую дивизию. В 18-ю Гвардейскую дивизию. И вот была передислокация войск с Брянского фронта на другой. Перевозили нас эшелонами. Прибыли на место, помню, уже весной. Вышли из этого эшелона, уселись где-то там на обочине. А я не был еще никуда назначен, в офицерском резерве дивизии. Сидим, мы кушаем, вдруг смотрим, идет колонна с оркестром. Оркестрантов знаю. Какой полк? - 77-й гвардейский. Совершенно другая дивизия. Решил - пойду в свою дивизию, в свой полк. Нахожу свою роту, все обрадовались. Командир роты, Александр Скукин. Спрашиваю: "Как ты думаешь, если я уйду самостоятельно." - "А чего? Командир полка сейчас договорится с командиром дивизии, и все будет сделано."

Я переговорил с командиром полка, полковником Манойко: "Товарищ полковник, вот такая ситуация. Возьмите меня. Я здесь уже 2 ранения получил. Больше года провоевал." - "Давай иди, сейчас все сделаем." Я в полк. Пришли на временную остановку. Я ишу, надо еще раз проверить, ведь я же ушел без разрешения из офицерского резерва. Я в штаб полка. Так и так: "Вы должны в штаб дивизии?" - "Все нормально, не беспокойся. Мы тебя зачисляем в штат." Потом в бой. Меня 3-й раз ранит в этом бою. И в госпиталь. То ли в Пушкино, то ли во Владимире. После третьего ранения я возвращаюсь в этот же полк. Все законно. Никакой самостоятельности с моей стороны. А мне говорят, о тебе уже СМЕРШ начинает беспокоиться. - Почему? - Ты же вроде дезертировал. Не просто ушел, а дезертировал. Ничего, коль искупил своей кровью.

Потом фронт закончился. Я получил 4-е ранение, меня завербовали во внутренние войска, потом я учился в Военном институте ГКБ, и мне тамошний контрразведчик однажды сказал: "А ты знаешь, ты же дезертировал? Расскажи, как это было." Я все рассказал. Он мне говорит: "Это было серьезное дело по нашему ведомству." Но все это прошло нормально. Я после фронта во внутренних войсках прослужил с 1944 года по 1983 год. Закончил полковником. В последнее время работал в Главном управлении внутренних войск в управлении боевой подготовки.

А.Д. - Вас в октябре 1942-го выпустили. На какой фронт Вы попали?Как начали воевать?

- Мне трудно сейчас перечислить все фронты, на которых была эта дивизия. Это, по-моему, был Центральный фронт, или Калининский. Потом 1-й, 2-й, 3-й Белорусские, Прибалтийский. Перебрасывали с фронта на фронт. В один из переходов мы прошли 650 км. Мы шли около 10-12 суток. В сутки проходили до 55 км. Тут восстановить, на каких фронтах воевал, мне очень сложно. Да и потом что такое командир взвода? Какая мне была разница, какой это фронт! Нужно было воевать!

В 1942 г. в конце ноября мы форсировали реку, не помню ее названия. По льду перешли реку. Как в колонне шли - 1-я, 2-я, потом 3-я роты так в бой и пошли, колонной. Это было моим первым боевым крещением, которого я не могу забыть и не забуду никогда. Это было не войной, а преступлением! Эта игра в войну! Неграмотная, преступная! За эти дела надо было бы расстреливать. Как было организовано это так называемое наступление?! Никакой артиллерийской подготовки, как это делается обычно. Прорыв. (Наша дивизия 26-я Гвардейская все время была на прорывах. Она в обороне почти не была, только на прорывах. Пробивали оборону противника и, если возможности были, продолжали наступление. Если нет, нас отводили назад на доформирование, а наше место занимала другая дивизия). Так вот этот бой был преступлением чистейшей воды. Вы не военный человек, Вам трудно представить. Как можно было колонной идти в бой? Пусть даже не в цепь, но хотя бы повзводно как-то. А уж о том, что я должен был получить приказ командира роты, командир роты должен был знать направление наступления.

А.Д. - Взвода минометного?

- Да. Командир роты должен был знать, где противник. Мы шли, справа стоит без движения раненная лошадка. Мне, неопытному, сразу подумалось: значит, где-то враг близко. А мы идем колонной. 1-й, 2-й, 3-й взводы, за нами роты. Перешли реку. Поднялись. Берег слегка крутой. Смотрю, стоит на огневой позиции полковая пушка 76-мм. Я хоть еще не имел опыта, но я знаю, что такое полковая пушка. Она дислоцируется все время не далее третьей траншеи. Не дальше! Где-то рядом противник. Раз пушка наша стоит. Прошли

дальше, смотрю траншея. Это уже вторая. А мы идем в колонне. Чуть только не с песнями. Смотрю, слева примерно в километре, может быть, даже поменьше, танки наши рвутся. Одна башня взлетает, вторая, третья. Идет бой. Со стороны противника уже слышим выстрелы. Теперь последняя траншея. Это уже первая траншея нашей обороны. Миновали эту траншею, вышли на нейтральное поле, как по нам ... врезали из всех видов оружия! Как начали косить! Чистейшая мясорубка, живое мясо превращалось в мертвое. Вот таким образом мы начали ... Командир взвода убит, замполиту ногу оторвало. Но я минометчик. Знаю, что надо наступать. Я своим солдатам команду: "Вперед"! Впереди небольшой стог сена стоит. Это было в центре нейтральной полосы. Между противником и нами. И небольшой кустарничек. Я своим: "Вот кустарник, там займем позицию." Перебежками начинаем передвигаться. Тут кричат, стонут, ужас какой-то! Мы в этом кустарнике заняли позицию. Готовимся к открытию огня. По нас уже бьют. Уже, конечно, заметили, что мы организовываем позицию в этом кустарничке. Слева от этого стога сена, смотрю, узбеки или таджики кричат: у них же закон какой - сразу начинали кричать. Только мы установили свои минометы, по нам как шарахнуло. И меня ранило в правый бок. Ранение легкое, но пробило полушубок, ватные штаны, и осколок остался в бедре. Что делать дальше? Никого нет, ни командира роты, батальона. Никого нет! Я один пробился со взводом в кустарничек. Кто справа наступает, не знаю! Кто слева наступает, не знаю! Где противник - не знаю! Какая задача, не знаю! Ведь перед нами должна быть поставлена ближайшая и последующая задачи, в бою так делается. Я должен был знать, кто справа, кто слева, кто меня сзади поддерживает, какая артиллерия, минометы. Я совершенно ничего не знал. Раз стреляют, значит, противник рядом. Раз я ранен, говорю заместителю: "Ты остаешься за меня, я иду в медицинский полковой пункт." Чтобы очистили рану и так далее. Это дело такое! Я ушел без сопровождающего, удивляюсь, как я дошел самостоятельно до своего тыла, потому что огонь был страшным. Отдельными типами, вроде меня не занимались, а массой занимались. Меня в медпункте обработали и на эвакуацию. Уехал в госпиталь. В госпитале пробыл дней 15 или меньше. Снова на фронт. Опять в этот же полк, в эту же дивизию.

А.Д. - Много народа осталось после того первого боя?

- Очень мало. Это я узнал уже позже, когда стали после меня прибывать раненые в медсанбат. Когда я начинаю вспоминать этот бой, меня аж трясет. Туды твою мать! Как же так?! Что, командир полка не знал, что противник вот тут?! Поставь задачу батальонам. Командир дивизии, где был? Генерал Коржаневский, грамотный, толковый генерал. Почему так было организовано? Были ведь виновники. Если бы нашу батальонную колонну развернули в цепь, или хотя бы по отделениям. Отделение одно, правее другое. Потерь было бы гораздо меньше. А тут как колонна шла, так ее, б..., и расстреливали из всех видов оружия. Оружие у немцев было получше нашего. У них автоматы, МГ-34 - ротные пулеметы. Такая машинка! Я лично уже в третьем бою из их пулемета расстреливал немецкую колонну. Когда мы наступали, смотрю, стоит в окопчике пулемет Г-34 и три банки патронов. Я его перезарядил. А колонну было видно, как они начали отступать. Мои люди ушли вперед, а я остался. Как по колонне врезал! Стрелял, пока пулемет плеваться не стал. Ствол докрасна раскалился. Я сейчас думаю, тогда-то еще не соображал: все-таки меня, видимо, засек противник. Когда я закончил стрелять, стал догонять своих солдат. Тогда-то меня в ногу ранило. Наверное, снайпер. Пуля слабенькая. Пробила штаны и сапог и вышла. Пулю оставил себе как память. Видимо, издали стреляли. На шальную пулю непохоже. Хоть пуля попала в мягкие ткани, но двигаться было трудно. Я остановился, меня санитары под руки и в тыл. На эвакуацию. Разрезали мне ногу, где пуля прошла, все это очистили, заклеили и в госпиталь. Это было у меня уже второе ранение. Третье ранение было на Курской дуге.

А.Д. - Второе ранение когда получили?

- Вернулся из госпиталя и опять меня ранило фактически в первом же бою. Перед этим в марте месяце мы тоже оказались в обороне. И вдруг ночью наступление. Оказалось, это всего лишь разведка боем, но настолько она была организована плохо! Два залпа "Катюши" по переднему краю противника, и мы пошли. Куда пошли? Канава впереди протекала, оказалась глубокой. По пояс в воду влетел, выскочил, конечно. Продолжаем движение. Стоит на середине нейтральной полосы разбитая машина. Получаем сигнал отходить обратно. Взяли языка или нет, не знаю. Вернулись опять в окопы. Поскольку это было ночью, залегли спать, кто как мог. Утром просыпаюсь, весь мокрый, в грязи. Думаю, все, заболел. Но ничего. Никаких насморков, чиханий. Насколько же был подготовлен организм к этим трудностям. Никаких таблеток, ничего. Горячий чай и все.

Да, и третье ранение получил тоже в первом бою. А четвертое ранение я получил еще хуже, чем в первом бою. Это тоже было преступление чистейшей воды. Потом расскажу, как это было.

Третье ранение - в ногу. Где лежал, не помню. То ли во Владимире. Два раза лежал в Пушкино. Четвертое - в Ульяновской области, сейчас г. Дмитров.

После третьего ранения я пролежал в госпитале тоже недолго. Меньше полмесяца. Молодой был, зарастало быстро, как на собаке. Потом опять был направлен в дивизию. Наша дивизия входила в 11-ю Гвардейскую армию, которой командовал Баграмян. Дивизия была на правом фланге, на северном плече. Курская дуга, конечно, выдающееся сражение. Хотя я и был ранен своими 152-миллиметровыми пушками. Но организовано было действительно по-настоящему. Характерна Курская дуга тем, что там была организована стратегическая оборона. Немцев измотали так, что они вынуждены были остановиться. Они остановились, а наши сделали контрнаступление. Оно началось с сильнейшей артиллерийской контрподготовки. Там было сосредоточено очень большое количество артиллерии, танков, минометов, авиации. Помню, когда наши уже прорвались. Кстати не наша дивизия, а предыдущая. Мы были во втором эшелоне.

А.Д. - Вы участвовали в контрударе?

- Да. Мы начали с преследование, практически не разворачиваясь. Противник отступал, все наши силы били ему по пяткам. Особенно характерны действия штурмовой авиации. Штурмовики ИЛ-2 были вооружены реактивными снарядами (малыми "Катюшами"). Штурмовку вели волнами. Первая волна прошла, полминуты - вторая волна, третья! Приятно было наблюдать! И наступать было легко. Такой энтузиазм был! Немцы бежали, все оставляли. Мы погрузили свои минометы на немецкие велосипеды и преследуем. Немцы оставляли заведенные машины, даже не выключив моторы. Сейчас бы любой сел бы и поехал. А тогда не так много было водителей. Видим - ведут пленных немцев. Помню несколько колонн, небольшие, правда.

На одном из участков через командира узнаю, поступил нам приказ занять впереди лощину. В ней засел противник численностью до батальона. Надо его выбить. Получаем команду, подходим к этой лощине. Небольшой овраг, мы остановились у самого этого оврага. У меня уже батальонные 82-мм минометы, меня перевели командиром. Начинаем устанавливать миномет. Передо мной стоит заместитель мой, старший сержант из Смоленска, здоровый, крепкий мужик. Очень хороший человек. И снаряд разрывается сзади его. Смотрю, мой сержант падает. А мне осколок попадает в висок, второй в шею и выскочил в рот, я его выплюнул. А тот сидит, как память. Меня спас этот старший сержант. Летели осколки сильные, он своим телом их задержал. Сгоряча показалось все нормально. Оказалось, командир полка дал команду поддерживающему дивизиону 152-мм пушек организовать огонь по батальону противника. А к нашему подходу противник уже ушел. Мы заняли позиции, где раньше был батальон противника. И по нам дивизион как шарахнул! Так я получил третье ранение от своих артиллеристов. Сказать, что это было преднамеренно, нет, безусловно. Просто не рассчитали, что противник мог к этому времени уйти. Как продолжалось наступление, я не знаю.

После ранения я вернулся в нашу дивизию, когда Орел уже был освобожден. Помню обгорелые здания. На окраине Орла стоял обгорелый немецкая самоходка "Фердинанд" ...

Следующее ранение я получил в конце июля 1944 года. Я помню как раз рожь была хоть и зеленая, но уже высокая. А получилось опять, что дивизия была во втором эшелоне. Шли колоннами, один полк, второй, третий, по шоссе по направлению к Минску. Слева было видно, горит Орша, пожар. Было хорошо видно, как взрывались танки, то ли немецкие, то ли наши. Взлетали башни вверх. И вот вдруг нашему батальону через командира полка по цепочке передают. Вот от шоссе под 90 градусов идет ответвление на Оршу, и мы должны пересечь поле пройти к ответвлению и встретить противника. Батальон как колонной шел, так и пошли. А я по молодости вышел в голову колонны. Начальник штаба ведет батальон. Командир батальона остался в колонне. Я начальнику штаба говорю: мы же все-таки в бою, хотя и нет немцев. Почему не выставить дозор? Чтобы мы знали, куда идем, и что у нас впереди. Он мне в ответ мотом: они отступают. Я ему говорю: мы считаемся в бою! Там двоих послать вперед: сержанта и солдатику и достаточно. Чистая дорога - идем дальше вперед! Перед дорогой небольшая сопочка, заросшая кустарником, мы огибаем эту сопку, а там дорога, и по ней пять "Тигров" идут. Отходят от главной магистрали Минского шоссе в направлении Орши. И рота автоматчиков с ними. Как наша первая рота вышла, ее сразу же видно - в 25 метрах дорога. "Тигры" останавливаются, башни разворачивают. Автоматчики немецкие спешили в кювет и по нам огонь. Хорошо, что вышло половины роты. Остальные подразделения остались за сопкой. И как начали немцы по нам! У них разрывные пули. Поскольку моя рота-то сзади, я в кустарник. Страшный огонь! Пули попадают в кустарник. И вдруг раз, снаряд разрывается где-то рядом и мне пробивает подвздошную кость. Раздробило. Сгоряча всегда ничего. Думаю, оставаться или идти к своим? Все-таки я командир, надо идти к своим. Я решил по кустарнику преодолеть сопку и идти. И сумел. Смотрю моя рота, здесь я упал и дальше идти не мог. Ранение оказалось сильное. Закончился мой последний бой. Как его оценить? Начальник штаба батальона фигура во время войны была большая. Почему он не организовал движение батальона как полагалось во время войны? Достаточно было двух дозорных и не было бы потерь. 45-миллиметровые пушки расстреляли бы запросто эти танки. Не знаю последствий того боя, ушли ли эти танки. Меня увезли - сразу на повозку и в дивизионный госпиталь. Там был такой разговор, что до нас еще один батальон расстреляли

немцы. Но не так здорово, как наш.

В этот же раз был распят на кресте наш сержант Герой Советского Союза Смирнов. С нашего полка, 77-го Гвардейского. Он попал в плен. Его немцы стали допрашивать, он ничего не сказал. И его распяли, как Христа, приколотили к стенке в землянке. Родился он в Орехово-Зуево.

А.Д. - Ваше впечатление: ситуация между 42-м и 44-м годом изменилась к лучшему?

- Да, безусловно. Даже Курское сражение показало, насколько увеличилась наша мощь: танковая, авиационная, артиллерийская, да и люди тоже стали не те. Уже опытные.

А.Д. - Опыт три года войны, а все равно такие ляпы?

- Я считаю, что это не ошибки - а настоящее преступление. Если бы виновника сейчас спросить, он бы сказал, что я неправ. Знаете, халатность, безразличие, шапкозакидательство существуют до сего времени. А ведь к 1944 г. опыт уже был. Даже по себе чувствовал, у меня уже совершенно другой взгляд на ведение военных действий. И командиры, и солдаты, особенно минометчики, они же меньше выходили из строя, чем пехота. Некоторые дошли до самого Берлина. А в отношении техники особенно было заметно. Насыщенность была куда там! Курская дуга или Минское сражение. Мы в самом прорыве не участвовали, но слышали артиллерийскую канонаду. 40-50 минут наши молотили передний край, идти было приятно, когда там все было перемешано. Сравните - в 1942 году, когда шли в бой колонной и не знали, где противник. Это разве война! В прошлом году была опубликована статья писателей, артистов знаменитых. Отвечали на вопрос: как вы относитесь к Отечественной войне. Воевали хорошо или плохо? Плохо. У нас была стратегия

А.Д. - Немцы превосходили нас по тактике всегда?

- Всегда. Я могу где угодно сказать, что они воевали лучше нас, когда мы в колоннах наступали и бросали пушечное мясо - нате бейте! А если бы грамотно воевали, толково? Если бы у нас тактика была, как у немцев, то мы бы за два года закончили эту войну. А может быть, даже и меньше. Именно безалаберщина, преступно-халатное отношение к ведению боя, вот что и привело к таким потерям. Одну дивизию уничтожили, давай другую, третью. Немцы очень грамотно воевали. И отступали тоже умело.

А.Д. - Приведите какой-нибудь пример. Из вашего опыта, что вы видели.

- Мне трудно пример привести. Я контрнаступления не видел, мы же были далеко. Мы только на прорывах. Больше суток не стояли в обороне. Помню, под Брянском, мы были вынуждены стать в оборону. Конопляное поле впереди нас. За этим полем немцы, здесь - мы. А посреди того поля бункер с картошкой. И мы ходили в этот бункер, и немцы ходили за картошкой. Но это, может быть, не больше суток. А потом опять наступление.

Возьмите хотя бы последний эпизод. Пять "Тигров", десант - рота автоматчиков. Остановка - они в кювет и открыли огонь. Как было дальше, не знаю, ушли они от встречного боя или нет. А у нашей первой роты сразу паника, естественно, разбежались. Может быть, из противотанкового ружья кто-нибудь и бабахнул. А что такое противотанковое ружье для "Тигра"? Немцы никогда бы колонной не наступали. Никогда у них такого не было.

А.Д. - Если говорить о матчасти, 50-миллиметровый миномет по отзывам всех - совершенно бесполезный?

- Абсолютно! Я пришел к такому выводу, что он совершенно был не нужен. Вместо этих минометов лучше бы ротные пулеметы иметь. Гораздо лучше. Почему? Эти минометы, конечно, оружие для ближнего боя хорошее. Я настолько был натренирован в училище, что без всякой почти подготовки попадал в цель из миномета. Ну, что такое в наступлении иметь этот миномет? Если наступление, надо же боеприпасов много. А как их иметь? Только на себе. Не было ни повозок, ни машин. У артиллеристов снаряды подвозили на машинах. А мы что? По шесть мин на каждого из расчета. В расчете по 5-6 человек. Небольшая коробка в этой коробке 6 снарядов. Совершенно ни к чему. Как ударная сила, они ничего не давали. Перед прорывом пук-пук - снарядов нет. А кто нам снаряды подносить будет? Никто. И вот ты с этим минометом наперевес идешь как пехотинец. А зачем это было делать? Я вам даже больше скажу. Как раз в 1944 году меня назначили командиром роты 50-миллиметровых минометов. Уже роту сделали. Потом меня ранило и я ушел. Не знаю, были они потом или нет.

А.Д. - Но немцы использовали такие минометы до самого конца войны.

- У них и техника была не та, и подвоз был организован на высшем уровне. Таскали то, что было возможно. В заплечник одну положил и пошел. Две уже тяжеловато, тем более идти, наступать - это было невозможно. Я помню предпоследний бой, когда мы прорвали оборону противника, они начали отступать. Такие битюги-лошади, здоровые, повозки, машины всегда у них были. У них все было очень организовано. Доставка боеприпасов штука сложная. Надо же было боеприпасы пополнять и минометчикам, и стрелкам. Надо это было все организовывать. Может быть, впоследствии и у нас было гораздо лучше. Не знаю.

А.Д. - На Орловско-Курской дуге вы командовали 82-миллиметровыми минометами?

- Я был тогда командиром взвода в минометной роте. Это оружие уже серьезное. Но опять все упиралось в боеприпасы. Нам же их тоже никто не поставлял. Жди, когда тебе их привезут. Если такая мина попадет в кучу людей, то останется мало. Оно более совершенным было. Во-первых, прицел был лучше. Кроме того, к мине был дополнительный заряд, так что уже знаешь на какое расстояние.

А.Д. - Место роты батальонных 82-миллиметровых минометов в наступлении, в боевом порядке?

- Мы поддерживаем обычно в 200-300 метрах за наступающей цепью. То ли открываем огонь, то ли нет. Зачем, когда артиллерия и без нас лупит.

А.Д. - Была такая команда "минометы на выюки"?

- Да. На себя. И пошли такими перекатами. Остановилась пехота, мы тоже остановились. Наступают хорошо, мы идем навьюченные. А миномет 82-мм три человека тащило. Минометный ствол, тренога, плита опорная. Остальные солдаты навьючены минами, их много не возьмешь, тяжеловато.

А.Д. - 50-миллиметровый миномет это в боевых порядках пехоты?

- Да, вместе с пехотой, идешь буквально в цепи. А в первом бою я вышел вперед пехоты, там некому было идти, был полный провал.

А.Д. - Третье ранение было легким?

- Да, в ногу.

А.Д. - На Орловско-Курской битве Вы получили ранение в голову. После того, как Вы вышли из боя, между 1943-44 годами что произошло?

- Стояли на переформировке в Смоленской области, г. Серпейск. Наша дивизия там получала пополнение. Мы вышли из боя ранней весной. Заняли большое количество деревень. Нашему батальону отдали небольшую деревню. И там проходило доформирование и учеба. Занимались боевой подготовкой. Были тактические учения. В одном месте командование дивизии подобрало участок, похожий на участок, где предполагался прорыв. И там мы все отрабатывали. В это время уже было совсем другое отношение к ведению боя. Подготовка людей, стрельба из стрелкового оружия. В 42-м году прибывавшие нацмены из Средней Азии даже не знали, как пользоваться винтовкой. Что это за война? Ой, как вспомнишь, жить не хочется. А в начале второй половины 1944-го года уже выполнили Минскую операцию "Багратион". Прошли около 300 км, гнали противника. Успех был существенный.

А.Д. - А с осени 43-го по весну 44-го?

- В 1943 г. - Курская дуга; в 1944 г. - формирование до июля месяца. Потом операция "Багратион" началась, меня опять ранило. Мне воевать-то не пришлось, хотя очень хотелось.

А.Д. - Вы ветеран подразделения? Таких, как Вы, много было в дивизии?

- В дивизии не могут сказать. В полку - практически только среди минометчиков и артиллеристов; среди стрелков ветеранов не было.

А.Д. - Артиллеристов больше осталось?

- Конечно, значительно больше, чем пехоты. Артиллеристы они же сзади нас шли. Появился противник, цель, они выкатываются. Но потери у них тоже были большими.

А.Д. - Если в бою, допустим, может быть, Вы слышали об этом, если бросают орудия, было ли

наказание за это?

- Насчет того, наказывают или нет, не знаю. Но мне кажется, безусловно. Ну, как бросить оружие? Это преступление. Я умираю, но со мной должно было оружие. Первый раз, когда меня ранило, я взял у убитого винтовку. Как без оружия? Это, по-моему, преследовалось законом. Но как преследовалось, если такая масса прорывала оборону противника, там могло твориться что угодно. Не помню в каком бою, по-моему, во втором наш танк наехал на блиндаж. Сколько там было человек, всех раздавило. Человек, наверное, 6 или 7 своих сидело в блиндаже. Танк же идет в слепую. Направление взял и попер. Разве танкист виновен?

А.Д. - Ваша стрельба из немецкого пулемета была удачной?

- Да, конечно. Видно же было шарахание в этой колонне. Были ли убитые и раненые, я не видел, но явно, что я попадал. Пулемет очень хороший. Наш ротный пулемет ему уступал существенно.

А.Д. - Вас в училище обучали стрелять из немецкого пулемета?

- Нет, не обучали. Но освоить его можно было легко. Лента вставлялась свободно, затвор как у нашего пулемета. Только, видимо, у них была лучшая конструкция самого ствола, видимо, так. Стрельба из него была очень кучной. Лучше гораздо, чем нашего пулемета. После той стрельбы я его оставил в окопе. За нами всегда шла трофейная команда. Они подбирали раненых, оружие. Я помню, две полные коробки боеприпасов расстрелял. Видно было хорошо. Расстояние до них метров 300-400. Они уходили по опушке в лес. Я в этот момент их косил потихонечку. Если бы не ранило, наверняка был бы представлен к награде. В одном бою своим минометом спас комиссара батальона.

А.Д. - Как это?

- Это был 1943 год. Наступление нашей дивизии было остановлено метрах в 150 от опушки леса, вдоль которой проходила немецкая траншея. Мы развернули миномет в воронке от авиационной бомбы; я наблюдаю, как немцы бегут по этой траншее, каски мелькают. В этот момент я смотрю: наш комиссар, пожилой мужчина лет 50, шагает в сторону немцев. Он шел из тыла, наша линия обороны не обозначена, продолжает шагать. Немцы это увидели, хотели его пленить. Тут я успел открыть огонь, как врезал из миномета по траншее. Я натренирован был здорово. Смотрю, забежали-забежали и разбежались. Награды мне за этот бой не было, но все-таки меня наградили орденом Красной Звезды и медалью "За боевые заслуги", не помню только в каком году. А так я уверен, если бы не был ранен во второй раз, был бы представлен к награде.

А.Д. - Личное оружие, какое у Вас было?

- Револьвер.

А.Д. - Хороший?

- Да.

А.Д. - Приходилось менять?

- Поменял на немецкий парабеллум. Он лучше, чем наш пистолет. Парабеллум - очень хорошее оружие, правда, больше по размеру, но гораздо лучше.

А.Д. - Приходилось пользоваться?

- В бою нет, но он был всегда при мне. Вспомнилась весна 1943-го года, когда Брянская область уже была освобождена. Я был тогда в офицерском резерве 18-й дивизии, И нас, офицеров, с удостоверением за подписью Сталина направляли в деревни для мобилизации оставшихся мужчин, которых надо было призвать в армию. Помню, мне дали солдатику как связного, как адъютанта. Пошли вдвоем в одно большое село, я в полной форме, с пистолетом. Нашёл сельсовет, предъявил предписание. В сельсовете уточнил фамилии и данные всех, кто подлежал призыву. Там в деревнях в основном старики. Молодых было очень мало. Многие ушли в партизаны. Когда вернулся в часть, все данные сообщил тому, кто нас посылал. Наверное, потом были все призваны. Ведь брали всех до 55 лет. После нас, видимо, контрразведка работала, выясняла, кто был в полициях, кто помогал немцам. Помню мы, когда шли в деревню, вдоль дороги столько было убитого скота, коровы, лошади, овцы, свиньи. И хотя была ранняя весна, они уже разлагаться начали.

А.Д. - Что вы можете сказать о госпиталях?

- Был там 4 раза. Последний раз 5 месяцев. Очень здорово нас лечили. Прекрасно!!! Даже представить трудно, что такая масса раненых быстро выписывались и выходили из госпиталей. Два раза я лежал в г. Пушкино, в школах нас размещали. Питание было организовано прекрасно. А уж лечение - очень здорово! Еще лежал в Дмитрове Ульяновской области, там тоже мы в школе располагались. Почему я так долго пролежал 5 месяцев? Была разбита кость и все-таки туда попала грязь. Две операции сделали. После первой вроде бы все заросло, ан нет, образовался свищ, и из него выходила гадость. Опять операция. Опять чистить. Не могут остановить - течет и течет. Направили в санаторий под Куйбышевом, в город Серов на грязелечение. Санаторий над озером, прудик небольшой, там грязь с минеральными отложениями. Меня эта грязь вылечила. Очень сильно действующая грязь. Из Москвы, помню, привезли детишек отравленных, вылечили. Приезжали люди на костылях, уезжают без них. Грязь высасывала всю дрянь. После 1944 г. у меня ни разу не было осложнения. Никогда не болели кости. Первый разряд по лыжам имел.

А.Д. - Вас комиссовали после этого?

- Нет. Меня завербовали во внутренние войска. Выписался в декабре 1944 г. Отправили в Москву в резерв офицерского корпуса. Разместили. Вдруг вызвали на беседу. Думаю, сейчас буду в свою 26-ю Гвардейскую дивизию проситься. Вижу, сидит майор в синей фуражке. Думаю, что такое? На фронте все в пилотках и касках, больше ничего. Не пойму, какие же это войска. Здоровается: - Мы знаем, что Вы воевали, имели 4 ранения, орден Красной Звезды, медаль "За боевые заслуги", коммунист, имеете неполное среднее техническое образование, техникум автомобильный. - Да, все правильно. - Как Вы смотрите, если мы Вас возьмем в войска КВ НКВД? - Что это? Куда это? - Поскольку Вы учились в техникуме автомобильном, мы Вас хотим взять командиром автомобильной роты. - Я же техникум не закончил, автомобилей не знаю. - Там узнаете. Как Вы на это смотрите? Я так прикинул, 1944 год, скоро немцу капут - согласен. За мной еще. Нас таких чудаков оказалось 5 человек. Причем один - командир батальона, майор. А остальные, такие как я. Я всего-навсего был старшим лейтенантом.

Что это за КВ НКВД? Наверное, кавалерийские войска. А что еще? Мы же представления не имели, что есть конвойные войска. На улице Подбельского стояла дивизия конвойная. У штаба стоим, ждем, когда нас вызовет командир дивизии на беседу. Вдруг подходит машина крытая, в которой возят заключенных. Выходит капитан. - Что это за машина? - Воронок. - Что это за Воронок? Что вы там возите? - Заключенных. - Елки-палки! Что же это за войска? - Конвойные. Ну, что, ребята, будете оставаться? - Нет, все на фронт! Приходим к командиру дивизии, генерал-майору. - Товарищ генерал, мы фронтовики, мы не желаем в этих войсках служить. Направляйте на фронт. Мы же все здоровые, пригодные к службе. - Товарищи дорогие, поймите, что ваши личные дела уже переведены к нам из Наркомата Обороны. Вы же коммунисты, должны уважать решения партии. (Тут дипломатия была, чуть ли не приказ). - Но вы не расстраивайтесь, вам здесь будет не хуже, чем когда вы служили на фронте. Не хуже. А сейчас давайте я вам всем дам по 7 суток отпуска, съездите на родину. А мы все оказались почти что местные. Я из Ивановской области, тут рядом совсем.

Ладно, раз так - придется согласиться. Все равно наше сопротивление ни к чему не приведет. Потом меня из Москвы направили в Ленинград. Там была бригада конвойная. Этой бригаде подчинялся Рижский конвойный полк. Приехали в бригаду, командир бригады, полковник, начинает с того, что назначает меня командиром роты. Какой из меня командир роты? Я эту службу совершенно не знаю. Даже не представляю, что это такое конвойная служба. На автомобильную роту уже назначили бывшего командира танковой роты. Ну, вот это подходяще. А меня давайте на обычную роту стрелков. Но сначала заместителем, чтобы я хоть немножко изучил обстановку. Тогда он начальнику кадров: Назначим Чистякова заместителем командира роты, пусть поучится. А потом сделаем его командиром роты. И получилось так, что я приехал в Рижский полк, и меня поставили заместителем командира роты на Кегумскую электростанцию, которую восстанавливали пленные немцы. А командир роты оказался пьянчужой, и через три месяца его убрали. А меня назначили командиром роты. Это уже было начало 1945 года. Постепенно я дошел до командира полка. Мне дали 5 гарнизонов, то есть 5 лагерей военнопленных по всей Латвии. Потом служил в Главном управлении до 1983 года.

А.Д. - Как вы к пленным немцам относились?

- Мы к ним относились положительно. Что такое солдат-немец, что такое сержант-немец? Это подневольные люди, которых заставляли воевать. И они воевали. Очень заметно было, какая у них высокая дисциплина. Даже в лагерях для военнопленных у них поддерживался порядок, уважение к старшим по званию, по должности без исключений.

А.Д. - Как в армии?

- Совершенно верно. Так у них и было. В 1954 году мы уже последних из них стали отправлять на родину.

Полуоткрытые вагоны, двери не закрывали. Они сидят, порядок исключительный.

А.Д. - Не бежали?

- Куда же им бежать, мы же их на родину везем.

А.Д. - А вообще были побеги?

- Да. При мне в Кегуме было 2 или 3 побега. Бежать там было просто. Большинство пленных работало на электростанции. Устанавливали оборудование, гидроузел. А небольшая группа, человек 50, была на лесозаготовке. Была выделена в лесу делянка, туда возили военнопленных, они там выпиливали лес, возили на станцию. Оттуда у меня было 2 побега. Что такое побег в Латвии? Латыши исторически и по культуре довольно близки к немцам. Большинство латышей свободно разговаривало по-немецки. Так что, если он ушел в Латвии, то это все - его никто никогда не найдет. Они их оставляли у себя. Мы этим побегам особенно и не придавали значение.

Одна колония военнопленных была в самой Риге. Восстанавливали радиозавод. Потом одно местечко было на левом берегу реки Лиелупе был большой кирпичный завод. Когда началась война, его закрыли. На восстановление этого завода было передислоцировано свыше тысячи военнопленных. Там была самая большая и ответственная колония. Завод, имевший 6 печей для обжига, восстановили очень быстро, и начался выпуск кирпича. Вы представляете, сколько надо было кирпича на восстановление разрушенных городов Латвии? Работалось с интересом, я там пробыл около года или больше. Там побегов не было.

А.Д. - А саботаж?

- Никаких саботажей, абсолютно. Позже в моем подчинении было 5 лагерей и ни в одном лагере не было ничего подобного. В 1947 году у меня дома случилось несчастье. Жена умерла молодая. Сын остался полутора лет. И я попросил, чтобы меня перевели в Иваново. Поближе к теще. Я бы один не справился, сын совсем маленький был. И меня перевели в Иваново командиром роты. Я охранял лагерь, где содержался Паулюс. Ко мне приезжали немецкие кинематографисты, узнали, что я командовал одним из подразделений, где сохранялся Паулюс и его начальник штаба. Это было в 1948 году. Правда, Паулюса оттуда быстро перевели. Когда он стал антифашистом, его передислоцировали куда-то под Москву.

А.Д. - Наверное, в Красногорск?

- Да. Остались в лагере только рядовые и много офицеров. Вы спрашивали, какое было к ним отношение. Очень лояльное. Мы им даже разрешали играть в футбол за пределами лагеря. Мы за ними наблюдали. Никаких оскорблений или унижений достоинства. Никогда ничего не было. Мы же прекрасно все понимали.

А.Д. - Вы и охрана тоже?

- Да. И солдаты охраны тоже. Никаких жалоб никогда не поступало. Кстати, Паулюс со своим начальником штаба оборудовали себе столик и две беседочки прямо под вышкой, где находился часовой. Почему? Они побаивались провокаций со стороны своих офицеров-немцев. Утром позавтракали, приходят вдвоем к этому столику и сидят до обеда беседуют. Часовой смотрит на них, слышит беседу, только не понимает их языка.

А.Д. - Как кормили пленных?

- Вполне нормально. Дистрофиков не было. Похуже, чем нас, солдат. Но по крайней мере вполне обеспечивали их жизнедеятельность и способность трудиться. Жалоб никаких не было.

А.Д. - Вернемся к концу 1941-го - началу 1942 года. Было ли тогда ощущение, что быстро разобьем немцев?

- Не было. Правда, иногда проскакивало, вроде того, что мы непобедимы. Но когда немцы к Москве подошли, вера вообще была кончена совершенно.

А.Д. - Не верили, да?

- Совершенно не верили. Думали, что немцы Москву захватят и разгромят СССР. Но когда остановили их под Москвой, тут стали думать по-другому. А когда отогнали на 200 км, тут уж совсем! Появились совсем другие мнения. Теперь посмотрим, кто кого?

А.Д. - А так упадок духа был?

- Был серьезный упадок. Мы считались в тылу. От Москвы 450 км.

А.Д. - Вы думали, что придет в ваши края немец?

- Таких именно мнений не было. Но разговор был такой, если Москву сдадут, то немец и к нам придет.

А.Д. - Готовились к тому, что могут и разбить наших? Разговоры такие были?

- Были. С июня до декабря месяца пройти такое расстояние!

А.Д. - Кого обвиняли, Сталина, партию?

- Никого. Не знали ничего по-настоящему.

А.Д. - После Московской битвы изменилось настроение?

- Да. Хотя уверенности твердой еще не было. Но если судить по тому, что нас в марте 1942-го из Казанского училища перевели в Москву, то уверенность была. Хотя до фронта тут было не так уж и далеко. Уверенность была прежде всего со стороны правительства. Раз у него была такая уверенность, то она передавалась и народу, это же естественный процесс. После Московского сражения совсем другая обстановка стала. А Сталинград - тут все! А после Курского сражения уже была заметна моральная подавленность немцев. К этому времени и оснащенность боевой техникой, особенно танками, уже была у нас выше и сильнее.

А.Д. - На фронте вам платили?

- А как же. Фронтовые платили. Я деньги никогда не получал. Был такой заведен порядок, не только у меня, а и у абсолютного большинства офицеров. Я свои деньги перечислял в фонд своей семьи. У меня было 6 братьев и сестер. Мой оклад, мои деньги все шли семье. Мы же были всем обеспечены. Курево давали. Питание было вполне хорошим. Я, когда закончил училище, был одни кости и кожа. А в марте 1943 года меня вызвали на оформление партийного билета, у меня будка такая была! То есть питание было не сравнить с училищем.

А.Д. - Как обстояли дела насчет гигиены, борьбы со вшами?

- По месяцам не мылись. Вши нас заедали здорово. Помните тот момент, когда я спас нашего комиссара? Потом, сидя в этой воронке, мы с одним сержантом, командиром отделения, разожгли костерик. О чем-то разговорились. А вшей было до черта. Помню, он медаль открывает, а там под лентой - вши. В костер эту медаль. - Да, что же ты делаешь? - Вши замучили ... Когда мы на доформировку в Серпейске месяца на два или три отошли, привезли к нам походные бани и вошебойки. Мы все тогда проходили вошебойку. Вытаскивают абсолютно всю одежду и белье (и мою зеленую офицерскую гимнастерку, конечно). Выворачивают - а там вшей полно. И в санобработку! Сами под душем мылись. Хороший душ.

А.Д. - В 1943-44 годы вшей, говорят, уже не было?

- Да. Их истреблением занимались очень серьезно. Подключались врачи.

А.Д. - 9 Мая в Риге встретили?

- В Таллинне. Командиром роты внутренних войск. Праздник был большой. Особенно нам, фронтовикам, было приятно. Все жители Таллинна вышли на улицы. Пиво рекой лилось, водка ... Здорово праздновали. Праздновать то праздновали, но у меня же рота была в подчинении, за ними тоже надо было смотреть.

А.Д. - С "лесными братьями" после войны не приходилось сталкиваться?

- Мне лично не приходилось, но наши войска вели с ними активную борьбу. Я в это время служил в г. Цесисе в Латвии. Моя рота охраняла следственный изолятор в тюрьме. А среди заключенных были и "лесные братья", мы знали, кто это такие. Там кроме внутренней охраны изолятора была и внешняя охрана. Помню такой случай. Стоял вооруженный часовой на посту с тыльной стороны зоны, там было поле чистое. Идет человек. Часовой по всем правилам кричит: Стой, кто идет? Тот все идет. - Предупреждаю, стрелять буду! И выстрелил, сначала вверх, потом по нарушителю. Насмерть. Оказалось, пьяный мужик. Может быть, он не слышал. Часового оправдали. Он действовал по всем правилам.

А.Д. - Приходилось власовцев охранять?

- Нет. Мы охраняли только военнопленных и своих осужденных. В Латвии и в Ивановской области.

А.Д. - У Вас романы были на фронте?

- Был небольшой с одной девушкой-татаркой. Это когда нас вывели на формирование. Она была в банно-прачечном батальоне. Я с ней только танцевал и больше ничего. Я записал ее адрес. Она оказалась из того города, где я впоследствии лежал в госпитале 5 месяцев. Я нашел ее адрес, пришел туда, она дома. Но уже беременная. Тогда говорили, что многие молодые женщины специально беременели, чтобы уйти с фронта.

А.Д. - Как Вы к женщинам относились?

- Очень внимательно с большим уважением. Женщина есть женщина. Она везде женщина, а тем более, что на фронте опасность преследовала ее постоянно.

А.Д. - Действительно все начальники имели ППЖ?

- Мне кажется, да. У командиров взводов ППЖ не было. Мы с солдатами вместе спали в одной землянке. Во всех ротах были санинструктора. А у ротного отдельная землянка, там и санинструктор. От командира роты и выше уже больше условий иметь ППЖ. В батальонах тем более. В полку была такая Катя. Ядреная баба. То ли она у командира полка была, то ли у начальника штаба. Ей столько орденов навешали, а она и фронта то не знала. ППЖ.

А.Д. - Обычно им давали медали "За боевые заслуги".

- У этой Кати были ордена Красного Знамени, Красной Звезды, еще чего-то и медали, конечно.

Спустя много лет после войны я был на Курской дуге, ездил туда как участник сражения. Нас возили к блиндажу Рокоссовского (девять накатов!). Ветераны из Курска, которые продолжают там жить, рассказывали, что рядом с командным пунктом был дом, в котором жила любовница Рокоссовского. Вот он сегодня побывал у любовницы, а вскоре бомбежка и прямое попадание в этот дом. Еще говорили, что у него была любовь с Серовой, знаменитой артисткой. Рокоссовский был самый красивый из всех маршалов и командующих. Благородный, интеллигентный.

А.Д. - Как Вы относились к противнику в 1942-м году? Это был враг?

- Да, конечно.

А.Д. - А в 1944-м году поменялось Ваше личное отношение к нему?

- Нет. Так и остался врагом, фактической мишенью. А к пленным в лагере уже другое отношение - такие же они люди, как мы, такие же подневольные. Очень многие из них шли без всякого желания на войну. Потом, особенность русских - быстро забывать зло. А после 1945-47 годов мое отношение еще больше изменилось. Эти пленные прошли наши условия жизни в лагерях, никаких недовольств не проявляли, вели себя хорошо. Они восстановили заводы, фабрики, много других объектов. Выработалось и определенное уважение к ним.

Автор: Запись Артем Драбкин © Я помню ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 7426 22.10.2004, 15:05 ↻ 646

URL: <https://babr24.com/?ADE=16916> Bytes: 46059 / 45628 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ПОБЕДА ВО II МИРОВОЙ ВОЙНЕ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)